

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

**Григорий
Горин**

Прощай,
конференсье!

Григорий Горин
Прощай, конференсье!

«ФТМ»

1985

Горин Г. И.

Прощай, конферансье! / Г. И. Горин — «ФТМ», 1985 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Предвоенная Москва. Мы видим жизнь известного конферансье. Ему едва за пятьдесят лет, он женат, у него есть дочь и даже внук. Жизнь вполне сложившаяся, хотя нельзя сказать, что полностью благополучная, ведь наш герой, не смотря на свой талант, к своим годам выше так и не поднялся. Тем не менее, он мастер своего дела. Начинается война и вся жизнь полностью перекроена. В составе концертной бригады он ездит по линии фронта, чтобы поддерживать боевой дух солдат. Но они попадают в плен. Отто, руководитель аналогичной команды с немецкой стороны, предлагает им выступить перед немцами, чтобы избежать лагеря. Им приходится согласиться. Но шанс проявить героизм не заставит себя ждать. И конферансье предстоит шутить в последний раз. Единственный раз шутить не ради смеха публики.

© Горин Г. И., 1985

© ФТМ, 1985

Содержание

Действующие лица	5
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Григорий Горин

Прощай, конференсье!

Пьеса-концерт в двух отделениях

Действующие лица

Конференсье.

Акомпаниатор.

Певица.

Танцор.

Фокусник.

Поливанов – артист драмтеатра.

Лютиков – эстрадный автор и исполнитель.

Зинаида – его жена.

Сысоев – их сосед.

Вера – девушка 16-ти лет.

Мария Петровна – жена конференсье.

Коляша – внук конференсье.

Офицер.

Лейтенант.

Клоун Отто.

Солдаты.

Девочки.

Рабочие сцены.

Действие происходит в период с июня по октябрь 1941 года в Москве и Подмосковье.

Часть первая

Оформление сцены – откровенно условное, как и положено на эстрадных представлениях.

В центре на возвышении – эстрадная площадка, на которой во время пьесы исполняются номера.

Справа и слева – комнаты для актеров, где участники концерта ожидают своего выхода. Эти же комнаты рабочими сцены на глазах зрителей преобразуются в разные места действия пьесы.

*Но сейчас концерт еще не начался, поэтому его участники на глазах публики готовятся к представлению: переодеваются, гримируются. Легкий шум, голоса, смех, телефонные звонки. На первом плане – **Конференсье**, мужчина лет пятидесяти. Он надевает фрак, галстук-бабочку.*

Звенит третий звонок. Правая и левая часть сцены погружаются в темноту, но зато ярко высвечивается эстрадная площадка.

Конференсье бросает на себя последний взгляд в зеркало, затем поднимается на эстраду, раздвигает воображаемый занавес.

Конференсье (добро). Добрый вечер! Начинаем наш концерт. Вас приветствуют артисты московской эстрады и конференсье Николай Буркин! (Поклон. Пауза.) В этом месте, честно говоря, думал, будут аплодисменты. Фамилия у меня все-таки звучная... заграничная. И фрак дирекция посоветовала надеть. Так, говорят, больше на иностранца смахиваешь... Публика, мол, любит гастролеров! Но вас, чувствую, не проведешь. Узнали своего и не хлопаете... И правильно. Сначала заслужи... Вообще-то меня Колей зовут. Николаем Сергеевичем... А фамилия настоящая – Буркины! Могу паспорт показать... Где он тут у меня... (Роется по карманам.) А, вот! (Достаёт паспорт.) Николай Сергеевич Буркины, 1890 года рождения, уроженец деревни Бурки Тамбовской губернии, потомственный конференсье... из крестьян. Чего улыбаетесь? Я правду говорю. У нас в деревне все мужики – конференсье... Да и бабы тоже. Промысел такой... народный... От дедов-прадедов. А вернее – от барина. Барин у нас в старину был с придурью. Одни своих крепостных на художников учили, другие – на музыкантов, а наш обормот в Париже побывал, по кафешантанам походил и умом поехал... Желаю, говорит, иметь собственных конференсье. Чтоб, значит, концерты вели, шутки шутили и все прочее. Трех мужиков в Париж на учение послал... Ну, двое-то, не будь дураки, там и остались, а мой прапрадед вернулся... Фамилию нашу исконную Буркин на Буркины поменял, по деревне стал ходить, мужиков задирать: «Дамы и месье, же сюи конференсье!» Ну, его сперва всем миром лупили чем попади, а потом привыкли... Конференсье так конференсье!.. В хозяйстве все сгодится... Глядят: мужик справный, веселый; праздник там какой или свадьба – он первый слово скажет: «Дамы и господа! Следующим номером нашей программы – брачная ночь!!! Приветствуем молодых!» Ну, ясно, смех... радость. Стали его помаленьку из других деревень приглашать, потом из окрестных городов. Он чувствует, одному не справиться. Набрал учеников, сбил артель, и покатилося-понеслось... Земля-то у нас бедная, урожая нет, а конференс хорошо пошел. Забогатела деревня! А тут как раз и революция... Сели мы на коней, к буденовцам подались. От наших шуток земля дрожала...

Веселей, народ, гляди! Шпарь на всю Европу! Нам с тобой вперед идти, Капиталу – в... другом направлении! Один белый генерал от этой шутки застрелился. Ей-богу! «Если, говорит, в России это смешно, я жить отказываюсь!» И застрелился! Вот какая политсатира!!! Ну, а потом восстановление пошло, индустриализация, коллективизация. Мы тоже у себя колхоз организовали – «Красная шутка»! По сто реприз с одного гектара собираем. Утесов,

Гаркави, Смирнов-Сокольский все к нам на курсы повышения ездят... Я-то, честно говоря, собирался по другой линии пойти. Рабфак закончил, думал инженером стать... А только, честно скажу, земля к себе тянет. Приедешь в родные места, пройдешь по околице, глотнешь родниковой воды, упадешь лицом в траву и чувствуешь хочется конферировать! Ну сил нет! Вот почему и вышел на сцену. Здравствуйте, дорогие товарищи! Зовут меня – Николай Буркини, потомственный конференсье. «Конференсье» слово нерусское, а у нас прижилось. Потому – дело полезное... Конференсье – он же не для себя старается, для других. Атмосферу устанавливает, контакт наводит, чтоб его друзьям-артистам легче выступалось. Вот почему я сейчас уйду со сцены, а вы все аплодисменты, которые мне не достались, подарите им! Встречайте артистов!!!

Свет на эстраде гаснет.

Звучит голос Сергея Яковлевича Лемешева, исполняющего арию герцога из оперы «Риголетто».

Теперь высвечивается правая сторона. Здесь подъезд концертного зала.

*Две девочки бьют третью. Ту, что бьют, зовут **Вера**. Она отбивается изо всех сил, хотя ей уже расквасили нос.*

Первая девочка (вырывает у Веры портфель, высыпает его содержимое на землю). Вот тебе! Вот! И не смей здесь больше стоять!

Вера (вытирая кровь). А вы что, купили место? Купили, да?

Вторая девочка. Дура! Ноги повыдираем! Поняла?!

Из подъезда выходит Конференсье. Он в плаще и с чемоданчиком. Девочки замечают его.

Первая девочка (елейно). Здравствуйте, Николай Сергеевич!

Вторая девочка. Здравствуйте! (Делает книксен, убегает.)

Конференсье внимательно смотрит на Веру, которая, плача, собирает портфель.

Конференсье. Однако здорово ты им вмазала!..

Вера не отвечает.

Из-за чего драка?

Вера (мрачно). Проходите, дядечка. Не ваше дело!

Конференсье. Логично. (Вынул из нагрудного кармана пиджака платочек, протянул Вере.) На!

Вера. Не надо.

Конференсье. Возьми. У меня еще есть. (Присвистнул – в кармане пиджака выскочил новый платочек.)

Вера. Вы что, фокусник?

Конференсье. Нет. Просто всегда ношу с собой несколько платков.

Вера. Зачем?

Конференсье. Как – зачем? Вдруг кому нос расквасят... (Хочет уйти.)

Вера. А я вас узнала. Вы – который про деревню рассказывал... Фамилия еще чудная... Бурунди, да?

Конференсье. Что-то в этом роде. (Хочет уйти.)

Вера. Подождите. А вы, наверное, Сергея Яковлевича знаете?

Конференсье. Какого Сергея Яковлевича?

Вера. Как – какого? Лемешева, конечно!

Конференсье. Ну, знаю...

Вера. Хорошо знаете?

Конференсье. Хорошо.

Вера. А он вас?

Конференсье. Он меня меньше.

Вера. Письмо передать можете? (*Достала письмо.*)

Конференсье. Я его теперь не скоро увижу. Пошли по почте.

Вера. По почте нельзя. Жена порвет. Алиса Михайловна нас не любит.

Конференсье. Кого это «нас»?

Вера. «Лемешисток».

Конференсье. Ну, давай... (*Берет конверт.*) Он хоть поймет – от кого?

Вера. Скажите: от Веры из Горького. Которая ему цветы дарила в клубе Дзержинского... Должен вспомнить.

Конференсье. Конечно, конечно... (*С улыбкой смотрит на Веру.*) Давно из Горького-то?

Вера. Утром приехала.

Конференсье. А когда обратно?

Вера. Вечером.

Конференсье. Значит, просто на концерт слетала? Лихо.

Вера (*с вызовом*). А что, нельзя?

Конференсье. Дороговато билет получается.

Вера. А у меня сегодня день рождения. Имею я право себе подарок сделать?

Конференсье. Логично. И сколько ж тебе стукнуло?

Вера. У женщин это не спрашивают.

Конференсье. Извини. Паспорт-то уже есть?

Вера. Теперь получу...

Конференсье. Ну что ж... Поздравляю, Вера. Значит, ты уже теперь совсем взрослая «лемешистка». И давно поклоняешься Сергею Яковлевичу?

Вера (*не уловив иронии*). Год и два месяца.

Конференсье. Какая точность... Прямо как производственный стаж...

Вера (*строго*). Вы не улыбайтесь... Он меня только как личность интересуется. Как гражданин. Я про него альбом собираю... (*Достала альбом.*) Вот... порвали дуры!!! А почему их у вас «сырихами» зовут?

Конференсье. Кто зовет?

Вера. Билетеры. «Сырихи, говорят, проклятые, житья от вас нет!..»

Конференсье. Да случай был один. Рассказывают, гулял Лемешев по Арбату, зашел в магазин, купил триста граммов сыра. А поклонницы – за ним. И весь сорт скупили...

Вера. Какой сорт?

Конференсье. Не помню точно... Думаю – «рокфор»...

Вера (*со вздохом*). В Горьком такого нет.

Конференсье (*внимательно посмотрел на девушку*). И куда ты сейчас?

Вера. Прокантуюсь где-нибудь до ночи.

Конференсье. Хочешь, пойдем со мной. У меня еще два концерта. Посмотришь?

Вера. Вы чего? Жалеее меня?

Конференсье. Чего тебя жалеть? Просто хочу подарок сделать... Там весело. Танцевать будут. Фокусы показывать... Пойдем?

Вера. Ладно... Посмотрим... Но вообще-то я эстраду не люблю. Я за серьезное искусство...

Конференсье. Молодец! Я – тоже за серьезное...

Правая сторона сцены погружается в темноту. Вновь ярко высвечивается эстрадная площадка. На нее быстро вбегает Конференсье.

Конференсье (*продолжая концерт*). Зачем зритель приходит на эстрадный концерт? Никогда не думали?.. В оперу он идет, чтобы слушать, в балет смотреть, в театр – переживать, а на эстраду?.. Зачем?.. Что? Вот правильно товарищ подсказывает: чтобы участво-

вать! У нас зритель – полный хозяин. Можно аплодировать, и номер повторяют, можно подать реплику, и тебе ответят, можно просто вот так крикнуть с места, и тебя... выведут из зала. Здесь зритель – главное действующее лицо, и чем он активней, тем лучше... Хотите вместе сочиним интермедию?.. Про что?.. Да вот хоть про этот мячик... (*Достает мяч.*) Предлагаю игру. Я кидаю вам этот мячик, вы кидаете обратно... Я – вам, вы – мне... Бросаю! (*Кидает мячик в зал. Мячик оказывается привязанным на резинке и поэтому возвращается в руку Конференсье.*) А вы думали, я и вправду кину?.. Я вчера кинул, сегодня пришлось новый покупать... Так ведь мячиков не напасешься... Только не надо обижаться, товарищи... Везде разве не так? Придешь на почту – ручка на веревке, в буфете – кружка на цепи, в клубе – дверь на замке, рояль на ключе... Мне не доверяют, почему я должен?! Что говорите?.. Как с этим бороться?.. Не знаю. Вам думать... Вы ведь главные не только на концерте, но и в жизни... Вы и думайте! А мое дело – маленькое... Мне надо было выяснить, зачем зритель приходит на эстраду... Теперь мы знаем: чтобы видеть, слушать, переживать, участвовать... И? Что? Вот правильно товарищ подсказывает – чтобы думать. А мячик возьмите! Мячик мне не жалко!.. (*Кидает мячик в зал.*)

Свет на эстраде гаснет.

Высвечивается левая часть сцены. Здесь комната, где артисты ожидают своего выхода. Уроля распеваётся Певца в сопровождении Аккомпаниатора. Рядом светловолосый Танцор в цыганском костюме отбивает каблуками дробь.

Певца. «Соловей мой, со-о-ловей... Голосистый со-о-ловей...»

Танцор (*напевает цыганский мотив*). Тара-тара-тай-да! Тара-ра-тайда!..

Аккомпаниатор (*продолжая играть. Танцору*). Ваня, ты нас не пропустишь? У нас с Олей еще концерт в ЦДКЖ.

Танцор. Сам горю со временем. У меня парк Горького и «Компрессор».

Певца. «Со-оловей-а-а!..»

Танцор. Лапота-бодайба. (*Бьет дробь.*)

Певца (*в отчаянии*). Нет. Так работать невыносимо... (*Танцору*). Иван, ты можешь хотя бы не петь?

Танцор. А как я репетировать буду? Мне ритм нужен. У меня – новый танец.

Аккомпаниатор. Какой новый? Все та же цыганочка...

Танцор. Много ты понимаешь. Та была «румынский танец», а это «венгерский»... Две большие разницы.

Певца. Ты бы лучше парик надел, Ваня! А то какой-то белообрый цыган... Даже неудобно.

Танцор. У меня, Олечка, зритель за ногами следит, а не за головой... Лапота-бодайба. (*Танцует.*)

Телефонный звонок. Певца снимает трубку.

Певца. Алло? Минск? (*Танцору*). Затихни, Ваня! Междугородная. (*В трубку*). Кого?.. Его сейчас нет, он на сцене...

Быстро входит Конференсье.

Конференсье. Братцы, ну когда будет порядок за кулисами? Там все слышно.

Певца (*в трубку*). Алло! Простите... Вот он пришел... (*Конференсье*). Николай Сергеевич, вас Минск.

Конференсье. От черт! Достали... Скажи, что меня нет...

Певца (*зажимает трубку рукой*). Я врать не умею...

Конференсье. Учись, Олечка, учись. Пригодится...

Певца (*в трубку, несколько растерянно*). Алло! Вы слушаете. Я ошиблась. Он на сцене... Что? (*Зажимает трубку*). Они говорят, будем ждать...

Конференсье (*подсказывает*). Уехал он.

Певица (*в трубку*). Алло... Говорят, он уехал... Что? (*Зажимает трубку*.) Они говорят – все равно будем ждать...

Конференсье. О господи!! (*Берет трубку, переходит на крайне доброжелательный тон*.) Алло! Буркини... Здравсте, дорогой директор! Да, мне говорили... Но не могу! Никак не могу! Дорогой мой, у меня отпуск с двадцать третьего... Я говорю – с двадцать третьего июня путевка у меня... Ну, что значит – юмор нужен?! Юмор тоже отдыхать должен. И потом, у вас Лютиков выступает, чего вам еще?! Почему не выступает? Какой фельетон? Алло! (*Кладет трубку*.) От черт, разъединили...

Аккомпаниатор. Вы не читали сегодняшнюю «Вечерку»?

Конференсье. Нет, а что?

Танцор. Лютикова раздолбали!..

Конференсье. Володю? За что?

Танцор. За репертуар. Называется «Кривая усмешка на эстраде». Лапа-та-па-та!!! (*Танцует*.)

Конференсье. Чего ты радуешься-то?

Танцор. Я не радуюсь. Я репетирую...

Конференсье (*ворчит*). Покрасился бы, Ваня! А то какой-то белобрысый цыган... Черт знает что!

Распахивается дверь, быстро входит Фокусник с двумя огромными чемоданами.

Фокусник. Все здравствуйте! Все здравствуйте! Горю со временем, товарищи! (*Певице*.) Олечка, привет! (*Целует певице руку, ловким движением вынимает откуда-то цветы*.) Прошу!

Певица. Не разбрасывай реквизит, Витя. Все равно пойдешь на сцену после нас.

Фокусник. Солнышко, у меня еще концерт на ВСХВ. Пять тысяч колхозников.

Аккомпаниатор. У нас в ЦДКЖ. Рабочий класс имеет преимущество.

Фокусник. Товарищи, вы меня режете... У меня же реквизит заряжен. (*Открывает один чемодан, достает большую клетку с голубями*.) Это же уэльские турманы... Очень нервная порода! Они перевозбудятся и сорвут номер! (*Конференсье*.) Николай Сергеевич, ну скажите вы...

Конференсье. Не канючь! На леваках твои турманы сидят по три часа и не шелохнутся...

Фокусник. Жестокие люди! (*Дает корм голубям*.) Мэри... Джек... Гуль-гуль-гуль...

Конференсье. У тебя «Вечерки» нет?

Фокусник. Нет.

Конференсье. А достать не можешь?

Фокусник. Откуда?

Конференсье. Не знаю... Ты – фокусник... (*Медленно набирает телефон*.) Алло! Зина? Это – Николай... Нет, я еще не читал, ну все равно, это ж всего лишь «Вечерка»... Не центральный орган. Чего расстраиваешься? Будет опровержение! Скажи Володе – будет опровержение, мне точно сообщили... Алло!.. Какая междугородная? Минск? Давайте Минск... Алло! Здравствуйте еще раз... Это Буркини! Ну что, дорогой... Вы меня почти уговорили... Да!! Поеду!.. Но только вместе с Лютиковым. Что значит – невозможно?... Голубчик, что ж вы такой нервный? В Москве еще не напечатали, а вы уже пугаетесь. Вы самостоятельная республика... Одним словом, я приеду, если будет Лютиков... У вас какие торжества? План по мелиорации? Молодцы!.. У нас как раз есть совместный фельетон про осушение болот... Так и скажите!.. Да не бойтесь вы! Кто вас к стенке поставит?.. Сейчас не девятнадцатый год, милый... Алло! Алло!..

Распахивается дверь, входит группа вооруженных людей. Два солдата и матрос. Это – артист драмтеатра Поливанов.

Поливанов. Пламенный привет! Кто у вас ведущий?

Конференсье. Я.

Поливанов. Значит, так, голуба моя: отрывок из спектакля «Любовь Яровая». Первый конвоир – артист Симаев, второй – артист Бусаев. В роли матроса Шванди – заслуженный артист республики Денис Поливанов. Вы записываете?

Танцор. Граждане, сейчас иду я.

Поливанов. Голуба моя, вы же видите – мы прямо со спектакля. Нам через полчаса обратно... Там же сюжет, голуба моя.

Конференсье. Денис Андреевич, вас просили быть полвосьмого. А сейчас начало девятого...

Поливанов. Но что ж я мог сделать? Они затянули первый акт. Это же театр.

Конференсье. Но концерт, извините, тоже – не туалет, куда можно забежать на секунду в любое время.

Поливанов (*грозно*). Вы, товарищ конференсье, эту шуточку лучше для сцены приберегите. А сейчас скажите определенно: выпускаете нас или нет?

Конференсье. Сейчас пойдет танцевальный номер... Потом вокал.

Фокусник. Потом я... Голуби ждать не могут!..

Поливанов. Какие еще голуби?.. Все ясно. Счастливо оставаться! (*Солдатам.*) Кружком! (*Направляется к выходу.*) Из зала доносятся аплодисменты.

Конференсье. Подождите!

Поливанов и солдаты останавливаются.

Зритель ни в чем не виноват. Он должен получить афишу сполна!.. (*Артистам эстрады.*) Извините, братцы... (*Поливанову.*) А вам, голуба моя, считаю долгом сказать, что вы мне глубоко-глубоко несимпатичны! Вот так!!! (*Бросив гневный взгляд на Поливанова, быстро проходит на эстраду. С улыбкой смотрит в зал.*) «Любите ли вы театр?» – спрашивает Белинский, и вот сотню лет мы отвечаем: да, любим!!! Потому что театр – это всегда высокий накал переживаний и страстей... И приход жрецов этого храма искусства к нам на эстраду – большой праздник для всех нас. Поэтому с огромным удовольствием я сейчас уступаю сцену...

Конференсье сделал широкий жест, приглашая артистов. Повинуясь этому жесту, Поливанов моментально «вошел в образ» Шванди, запел: «Черный ворон! Что ты вьешься над моею головой?..» И, понукаемый «конвоирами», двинулся к эстраде.

Свет на эстраде гаснет.

Теперь высвечивается правая сторона сцены.

Здесь, у подъезда концертного зала, стоит Вера с газетным свертком в руках. Из подъезда выходит Конференсье, оглядывается.

Вера. Я здесь...

Конференсье (*он искал глазами явно не ее*). А... Ты... Ну, как понравился концерт?

Вера. Ничего.

Конференсье (*замечает сверток*). Это у тебя что?

Вера. Сыр.

Конференсье. Да нет, я про газету... Разреши... (*Берет у нее газету, присаживается на ступеньку, читает.*)

Вера (*разворачивая сыр*). В буфете давали. Вонючий, но вкусный... Хотите?

Конференсье (*углубившись в газету*). Давай.

Секунду они молча жуют.

Значит, понравился, говоришь?

Вера. Ага! Особенно фокусник. Ловкий, черт!.. Откуда он голубей-то доставал?

Конференсье (*читая*). С неба, девочка... в концерте все с неба достают. (*Смял газету.*)
Мерзавец!

Вера. Кто?

Конференсье. Да тут один... Написал чушь!

Вера. Не читала.

Конференсье. И не читай! Доверяй только своему ощущению. Что они понимают, эти критики?! Людям нравится. Тебе понравилось мое выступление?

Вера. Конечно.

Конференсье (*удовлетворенно*). Ну вот... Так и говори! У тебя хороший вкус... Смеялась?

Вера. Зачем?

Конференсье (*раздосадованно*). А говоришь – понравилось.

Вера. Так правду говорю. Обязательно смеяться, что ль?.. Я вообще никогда не смеюсь...

Конференсье (*сочувственно посмотрев на девочку*). Больная, что ль?

Вера (*обижена*). Почему? Характер такой...

Конференсье. Ну, это ты брось. Характер – дело наживное. Тоже мне несмеяна нижегородская... Это только в сказках они царевны, а в жизни глубоко несчастные люди. Ты в кого такая? Папа с мамой у тебя смеялись?

Вера. Не знаю. Я их не помню...

Конференсье. Извини. (*Секунду молча ест, разглядывая девочку.*) Где ж ты росла?

Вера. Сначала у тетки. Потом... в другом месте...

Конференсье. А потом?

Вера. Потом... сама по себе...

Конференсье. М-да... Биография не очень веселая. Но все равно скисать нельзя. Жизнь – это не приговор. Жизнь – это праздник, девочка. Надо уметь ей радоваться...

Вера. Я и радуюсь...

Конференсье. По тебе незаметно. Сейчас-то где числишься?

Вера. В медучилище.

Конференсье. В морге хочешь работать?

Вера (*испуганно*). Почему?

Конференсье. Лицо траурное... Для покойников, может, сойдет, а живых напугаешь... Смех полезен для здоровья! Так все врачи говорят.

Вера. Чего полезного? Вон у нас в послеоперационном один засмеялся швы разошлись...

Конференсье (*чуть растерявшись*). Ну, после операции, может, и не стоит, а во время... очень даже хорошо.

Вера. Чего?.. Как это «во время»?.. Да вы что? (*Хмыкнула.*)

Конференсье (*удовлетворенно*). Ну вот. А говоришь – не смеюсь. У тебя еще не все потеряно, девочка. Рефлекс не пропал. С тобой позаниматься – ты упущенное наверстаешь...

Вера. И чего будет?

Конференсье. Станешь нормальным человеком. Сама будешь смеяться, других веселить. Это пригодится в жизни, запомни!

Вера. Запомню.

Конференсье. А теперь – прощай!

Вера. До свиданья...

Конференсье делает попытку уйти.

Подождите. (Достает мячик.) Вот, возьмите...

Конференсье. Это еще откуда? Поймала?

Вера. Нет. Я у тетки откупила...

Конференсье. Зачем?

Вера. Ну вы же сказали, что у вас вчера сперли... Возьмите!

Конференсье (*изумленно*). О Господи! Что ж ты такая доверчивая? Нет, с тобой надо срочно заняться, а то пропадешь... Вот что! Мы сейчас пойдем к одному писателю. Владимир Лютиков. Слышала про такого?

Вера. Нет.

Конференсье. Зря! Хороший писатель... Игру с мячиком, между прочим, он придумал... И вообще – он уникальный человек! Только не все это понимают... А ты подтвердишь.

Вера. Как это?

Конференсье. Просто. Придешь и скажешь: «Владимир Борисович, мне очень нравится ваше творчество». И попросишь расписаться на мячике.

Вера. А он что?

Конференсье. А он улыбнется. Это и будет твой первый урок. Сможешь такое задание выполнить?

Вера. А чего ж тут?

Конференсье. Сначала постучишь, спросишь: «Здесь живет писатель Лютиков?»

Вера. Да что вы, ей-богу, со мной как с маленькой?

Конференсье. Нет, нет. Порепетируем.

Вера. Здесь живет писатель Лютиков?

Конференсье. Громче.

Вера (*громче*). Здесь живет писатель Лютиков?

Высвечивается левая сторона сцены. Это комната, в которой живет Лютиков. Сам Лютиков – мужчина лет пятидесяти – складывает чемодан. Рядом его жена – Зинаида.

(Совсем громко.) Здесь живет писатель Лютиков?

Лютиков (*недовольно*). Ну, здесь... Здесь. Входите.

Вера проходит в левую часть сцены, мнется в дверях.

Ну, слушаю вас...

Вера (*смутившись*). Значит, так... это... Мне очень творчество ваше понравилось... Вот! (*Кладет мячик на стол.*)

Лютиков. Это вас Николай Сергеевич научил?

Вера. Да.

Лютиков. А где он сам?

Вера. Внизу стоит...

Лютиков. Тогда передайте ему, пожалуйста, что он – идиот.

Вера (*невозмутимо*). Ладно! (*Уходит.*)

Зинаида. Володя, так нельзя... Девочка не виновата.

Лютиков. Я девочку не обижал. Но вы знаете, Зина, что я ненавижу, когда меня утешают... (*Раздается стук в дверь.*) И от своих слов не отказываюсь... Идиот есть идиот! (*Схватил мяч, запустил его в дверь.*)

Дверь открывается. Мяч попадает в вошедшего Соседа. Это пожилой человек в кителе, с мрачным лицом. Возникает пауза.

Сосед. Это как понять?

Зинаида. Ох, извините, Тихон Григорьевич... Это он так... Случайно...

Сосед (*обиженно*). Я по-соседски за примусом зашел... А меня – мячом... Что вам здесь – стадион, что ли?

Лютиков. Ну, не обижайтесь. Говорят же вам... Это ошибка. Извините. (*Протягивает примус.*) Прощу!

Сосед (*вздыхнув*). Не надо мне ваш примус. Это я так. Для начала разговора... (*Достал газету*.) Газетку сегодняшнюю читали?

Лютиков. Читал.

Сосед. И какое ваше мнение? Напрасно вас продернули или за дело?

Зинаида (*опережая мужа*). За дело, Тихон Григорьевич! Очень правильная статья...

Сосед. Признаете, значит, критику? Это – хорошо. Печать – наше самое грозное оружие... Против этого не попрешь!! Писания ваши, Владимир Борисович, получаются вредные.

Лютиков. А вы их читали?

Сосед. Зачем? Тут ясно сказано: «Кривая усмешка». Формулировка четкая. Года три назад с такой формулировочкой, что называется, – с вещами и на выход!

Лютиков (*нервно*). Что вы хотите, Тихон Григорьевич?

Сосед. Ничего не хочу... Обсуждаем! Печать выступила, мы обсуждаем. Читательская конференция. Все как положено...

Зинаида (*испуганно*). Но вам же сказали: мы признаем... Всё признаем...

Лютиков (*жене*). Прекратите, Зиночка! Это – унижительно!

Сосед (*усмехнувшись*). Признать-то вы признаете. А все-таки хотелось бы знать, какие выводы собираетесь делать?

Зинаида (*растерянно*). Не понимаю. Какие выводы?

Сосед. Я хотел бы знать, дорогие соседи, какие у нас с вами будут выводы по поводу вон той комнаты, на которую мы с вами претендуем?

Лютиков. Извините, претендуете вы! Мы в ней живем!

Сосед. Нет, дорогой Владимир Борисович, вы в ней не живете. Вы в ней только курите и храните всякие папки!

Лютиков. А уж это – мое дело.

Сосед. Как посмотреть! Если в папке нужные бумаги, это – одно, а если там разные чужие усмешки, то это, как говорится, – худую траву с поля вон!

Лютиков. Быстро вы, однако, сообразили.

Сосед. А чего ж тянуть? Я уж заявление в жилотдел подал.

Лютиков. Торопитесь, Тихон Григорьевич! Суетитесь... Зря. Я вас обрадую... Мы с Зинаидой Алексеевной, может быть, вообще уедем из Москвы. Так что со временем сможете захватить уже всю квартиру...

Сосед (*испуганно*). Всю не надо! Всю нам не утвердят! Они тогда сюда жильцов вселят... Я ведь только о комнатке говорю. Со своей же стороны, если кто спросит, готов вам дать хорошую характеристику...

Зинаида (*испуганно*). Кто спросит?

Сосед. Найдутся люди. Меня уж управдом сейчас во дворе остановил. Что это, говорит, за Лютиков у вас там такой живет? Как он? Не хулиганит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.